
От научного редактора

Текст «Экономических очерков» В.К.Дмитриева, публикуемый в настоящем издании, является максимальным приближением к оригиналу 1904 г. с точки зрения содержания. В этом его отличие, например, от известного и очень авторитетного в западной литературе английского издания 1974 г., достоинства которого, тем не менее, были учтены. Благодаря восстановленной аутентичности не только сохраняется дух дмитриевского текста, но и становится возможным его изучение без обращения к оригиналу, представляющему собой на сегодняшний день библиографическую редкость.

В результате решения проблемы историко-аналитической реконструкции исходного текста открывается путь к созданию оригинальной концепции «Экономических очерков». Она заключается в том, что главное произведение В.К.Дмитриева является скорее прелюдией к посттрудовой теории ценности, нежели опытом «органического синтеза» трудовой теории ценности и теории предельной полезности. Такая интерпретация дмитриевского труда, фактически составляющая содержательную основу настоящего издания, позволяет по-новому осмыслить экономическое наследие В.К.Дмитриева в условиях «современности», а не ограничиваться лишь «простым» воспроизведением текстов русского ученого.

Изменения, которым подвергся по сути заново восстановленный труд В.К.Дмитриева, носят в основном технический характер и сделаны с целью облегчить его восприятие современным читателем. Исправлены многочисленные ошибки и неточности в формулах и алгебраических обозначениях, в избытке имеющиеся в издании 1904 г. по «типографским» причинам. При этом, однако, удалось сохранить оригинальную дмитриевскую систему символьной нотации; нумера-

ция уравнений и систем уравнений оставлена без изменений и помещена справа согласно требованиям, общепринятым в международной науке.

Графические иллюстрации, используемые ученым и расположенные в издании 1904 г. в конце книги, исправлены, приведены в надлежащий вид и помещены непосредственно на страницах, содержащих первую ссылку на них. Цитаты из иностранных источников, приводимые В.К. Дмитриевым в тексте «Очерков» без перевода, в настоящем издании переведены на русский язык, а «оригиналы» на английском, немецком, французском и итальянском языках вынесены в отдельный подраздел, следующий за текстом комментариев. В отдельных случаях устаревшие слова и обороты русского языка, используемые автором, заменялись их современными эквивалентами при условии, что не искажается смысл редактируемого текста.

Библиографические ссылки автора, приводимые как в тексте, так и в постраничных сносках приведены в соответствие с ныне действующими правилами: где это необходимо, добавлены инициалы авторов, данные о месте и дате издания (если в «Очерках» 1904 г. на соответствующем месте был пропуск и/или аутентичность данного издания бесспорна), а более полная информация о цитируемых авторах и опубликованных ими работах содержится, соответственно, в подразделах «Указатель имен» и «Библиография». В подраздел «Библиография» также включен ряд публикаций, которые непосредственно не цитируются в тексте В.К. Дмитриева; они приводятся для того, чтобы показать идейную эволюцию научных взглядов В.К. Дмитриева и очертить самостоятельное исследовательское направление в области теории ценности.

Текст «Экономических очерков» снабжен современным научным аппаратом: ссылками на цитируемую литературу, цитаты из иностранных оригиналов, комментарии. Приводится библиография научных трудов В.К. Дмитриева, а в конце книги — указатель наиболее важных имен, содержащий краткую информацию об авторах, упоминаемых в тексте «Очерков».

Опередивший время

Г.Н. Сорвина, Л.С. Гребнев, Г.Д. Гловели

Последнее десятилетие XX в. стало в нашей стране временем переиздания работ многих выдающихся деятелей «серебряного века» русской культуры, в том числе и экономистов. На рубеже не только веков, но и тысячелетий, в российскую науку возвращается и Владимир Карпович Дмитриев (1868—1913). Он возвращается сейчас именно в российскую науку, поскольку в мировую науку он вернулся около сорока лет назад как один из родоначальников российской школы экономической науки, которая дала миру Василия Леонтьева, Николая Кондратьева, Евгения Слуцкого, Симона (Саймона) Кузнеця, Артура Окуня (А. Оукена), Евсея Домашевского (Е. Домара). Среди очень немногих российских ученых, включенных в биографический справочник выдающихся экономистов последних трех веков, есть и его имя¹. На работы В.К. Дмитриева и сейчас ссылаются в статьях, публикуемых в зарубежных научных журналах.

«Экономические очерки», изданные в 1904 г. в Москве типографией Рихтера, и по сей день отмечены свежестью идей, оригинальностью подходов, значительностью выводов. Много ли научных произведений переведены на иностранные языки через десятки лет после первой публикации? А книга Дмитриева была издана на французском языке в 1968 г.², на английском — в 1974 г.³ Переводилась она и на другие языки. В предисловии к английскому изданию, написанном профессором Кембриджского университета Доминико Марио Нути, «Очерки» представлены как «классика экономической литературы»⁴.

¹ Dmitriev V.K. Who's who in Economics. A Biographical Dictionary of Major Economists. 1700—1986: 2nd ed. Brighton, 1987. P. 348.

² Dmitriev V.K. Essais Economiques — Esquisse de synthèse organique de la théorie de la valeur travail et de la théorie de l'utilité marginale. Paris, 1968.

³ Dmitriev V.K. Economic Essays on Value, Competition and Utility/Ed. with an introduction by D. Nuti. Cambridge, 1974.

⁴ Nuti D. Introduction//Dmitriev V.K. Economic Essays on Value, Competition, and Utility. Cambridge, 1974. См. также наст. изд., с. 507—534.

Дмитриев — первый российский экономист-математик, создатель оригинальных теорий ценности, конкуренции и монополии, основ модели «затраты-выпуск» — практически неизвестен широкой публике да и большинству современных отечественных профессиональных экономистов. Дело в том, что его труды с начала века никогда в России не переиздавались, концепции не анализировались сколько-нибудь детально, книги стали уже давно библиотечным раритетом. Более того, единственный экземпляр главного научного труда ученого — «Экономических очерков», имеющийся в Российской государственной библиотеке (бывшей «Ленинке»), не является полным. Его оказалось невозможно использовать для подготовки настоящего издания. Единственное место в Москве, где нашелся полный, хотя и исковерканный многочисленными подчеркиваниями не очень культурных читателей, экземпляр, — Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, преемница всех материальных фондов Академии общественных наук (при ЦК КПСС), которая, в свою очередь, после слияния с Высшей партийной школой при ЦК КПСС унаследовала библиотеку дореволюционного Народного университета им. Шанявского.

Издание «Экономических очерков» 1904 г. не вполне отвечает современным представлениям о культуре научных изданий. Это отмечали и английские издатели, которые провели большую работу по выверке формул, цитат, в изобилии встречающихся в этой работе на языках оригиналов — английском, немецком, французском, итальянском. С любезного разрешения Д. Нути в настоящем издании «Экономических очерков» учтена его редакторская работа и публикуется написанное им предисловие к английскому изданию.

С глубоким сожалением приходится констатировать: сведения о жизненном пути человека, чей талант и научные достижения составляют национальное достояние России, крайне скудны. Не сохранилось даже его фотографии.

В.К. Дмитриев родился 24 ноября 1868 г. в имении Рай Смоленской губернии. Отец его был довольно известным в то время агрономом. Учился Владимир Карпович в Тульской классической гимназии, в одно время с П.Б. Струве. Судя по всему, гимназическая дружба сохранилась у них на многие годы: Струве рецензировал работы Дмитриева, был редактором и издателем его книги «Критические исследования о потреблении алкоголя в России». Студентом Московского университета Дмитриев стал в 1888 г., намереваясь изучить медицину. Но столь характерная для многих его современников тяга к экономическим исследованиям не обошла стороной и этого, проявлявшего недюжинные способности,

молодого человека. Он перешел на юридический факультет, где в то время преподавали политическую экономию. Судя по работам Владимира Карповича, образование он получил блестящее. Великолепное знание нескольких иностранных языков; владение математикой, какому может позавидовать и наш современник; умение использовать все виды статистического анализа — все это, помноженное на исключительную природную одаренность, позволило ему еще на студенческой скамье начать исследования в области экономической теории.

Трудно сказать, по какой причине, но после окончания в 1896 г. университета Дмитриев принимает первое подвернувшееся ему место акцизного контролера и уезжает в местечко Воньковцы Подольской губернии. Возвращается через три года: он тяжело болен, туберкулез.

В первом десятилетии XX в. Дмитриев публикует статьи и обзоры экономической литературы в журналах «Русское экономическое обозрение», «Критическое обозрение», «Русская мысль», и многим маститым профессорам «достается» в них за догматизм, нежелание увидеть и принять новые веяния в науке. Один из таких обзоров — «Теория ценности (обзор литературы на русском языке)» — мы сочли необходимым поместить в настоящем издании.

Последние годы Владимир Карпович жил в Петербурге. По имеющимся сведениям, он преподавал в Политехническом институте.

Все эти годы ученый нуждался и не имел средств для лечения страшного недуга, изо дня в день подтачивавшего его организм. Но он упорно работал, представляя на суд читателей сначала, один за другим, три экономических очерка, объединенных в издании 1904 г. в одну книгу, затем — оригинальный, глубокий и совершенно неожиданный для представителя «чистой» экономической теории труд «Критические исследования о потреблении алкоголя в России» (М.: изд. В.П. Рябушинского, 1911).

30 сентября 1913 г. в Гатчине, под Петербургом, в возрасте сорока пяти лет Владимир Карпович Дмитриев умер. «Удивительная полнотельная жизнь, полная глубокого трагизма и в то же время отмеченная печатью своеобразной красоты», — написал в некрологе П. Струве⁵. Через год после смерти замечательного ученого состоялось заседание Общества имени А.А. Чупрова, посвященное памяти В.К. Дмитриева. На нем с докладом «Первый русский экономист-математик Владимир Карпович Дмитриев» выступил профессор Н.Н. Шапошников, горячий сторонник многих подходов и выводов Дмитриева. Он говорил о том, что

⁵ Струве П.Б. В.К. Дмитриев//Русская мысль. 1913. № 10. С. 165.

русская экономическая наука «лишилась одного из самых талантливых и бескорыстных своих служителей», которому «в истории экономической теории обещано почетное место»⁶. Этот доклад мы также сочли необходимым включить в настоящее издание для более полного представления о восприятии В.К. Дмитриева современными ему учеными.

Для того чтобы понять действительное значение проблем, которыми занимался В.К. Дмитриев, и оценить его вклад в науку, необходимо хотя бы в общих чертах представить состояние и направление развития мировой экономической мысли в конце XIX — начале XX в., то есть именно в период, когда в эту область знания вступил молодой ученый. Время было переломным: складывались принципиально новые концепции, в методологии экономического анализа все больше утверждался подход, который в то время именовался субъективно-психологическим, а сейчас больше известен под названием «основное течение» (mainstream) экономической теории, все шире использовались математические методы исследования.

Развитие западной экономической теории того времени предстает ныне в образах «маржиналистской революции» и рождения «неоклассики»; завоевания области политической экономии предельным анализом, открывшим широкую дорогу применению математического аппарата. При этом маржиналистский «залп» трех независимых друг от друга первопроходцев — У.С. Джевонса, Л. Вальраса и К. Менгера — был направлен против теории трудовой ценности в ее рикардианской и марксистской интерпретации.

Среди экономистов были и такие, кто полностью отвергал трудовую теорию, были и те, кто стремился найти пути и методы синтеза двух теорий — трудовой ценности и предельной полезности, выдвинутой субъективно-психологической школой. Создавая свои версии, преодолевая очевидную противоречивость этих двух концепций, ученые сделали немало открытий.

Российская экономическая наука, по оценке В.К. Дмитриева, «не замечала» перелома в развитии европейской экономической мысли. И в злободневных «толстых» журналах, и в академических кругах господствовали трудовая теория ценности в ее марксистской интерпретации и подходы немецкой историко-этической школы.

Новые веяния европейской и североамериканской науки были очень своеобразно, если не сказать болезненно, восприняты российскими учеными, в среде которых довольно долго господствовало пренебрежитель-

⁶ Шапошников Н.Н. Первый русский экономист-математик Владимир Карпович Дмитриев. М., 1914. С. 1. См. также наст. изд., с. 496.

ное отношение к субъективным теориям ценности. По словам Дмитриева, это подготовило почву для распространения в России трудовой теории К. Маркса как «непререкаемого догмата — единственно верного и окончательного решения» вопроса о ценности благ, а связь ее с теорией эксплуатации сделала «веру» в трудовую теорию «еще более фанатичной и нетерпимой к иным взглядам и попыткам критики»⁷.

«Ни в одной литературе Маркс не пользовался таким авторитетом, как в русской, — констатировал М.И. Туган-Барановский. — Теория ценности Маркса положена в основу большинства наших курсов политической экономии»⁸. Особое своеобразие российской экономической науке конца XIX — первых лет XX в. придавало стремление многих ее представителей соединить Маркса с идеями немецкой исторической школы. Как отношение к трудовой теории ценности «со своего рода мистическим чувством» («она является для многих чем-то заветным и дорогим, как бы принципом справедливости к трудящимся»), так и характерное соединение Маркса с влиянием историко-этической школы коренились в присущей русским экономистам, в большинстве своем выходцам из разночинной интеллигенции, «ментальности служения», принимавшей «антибуржуазную» народническую окраску⁹.

В течение более чем 20 лет русская экономическая наука как бы «не замечала» психологического направления — в то время самого крупного, как считал Дмитриев, по своим размерам и последствиям течения экономической мысли. Первые попытки М.И. Туган-Барановского и В.Ф. Залесского¹⁰ пробить брешь в «той стене, которую отгородилась русская экономическая наука от вторжения всяких «новшеств с Запада», хотя и не имели немедленных «осозательных последствий», но выявили немало сторонников. «Лед был сломан: с этих пор не говорить о теории предельной полезности, замалчивать ее /.../ стало невозможно»¹¹.

Таким образом, сдвиг в восприятии нового все же происходил. Этому в немалой степени способствовала полемика вокруг «Капитала» Маркса,

⁷ Дмитриев Вл. Теория ценности (обзор литературы на русском языке)// Критическое обозрение. 1908. Вып. II. С. 15. См. также наст. изд., с. 476.

⁸ Туган-Барановский М.И. Экономическая наука//Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Полутом 55. С. 853.

⁹ Его же. Очерки из новой истории политэкономии и социализма: 7-е изд. Харьков, 1919. С. 58.

¹⁰ Его же. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причины их ценности//Юридический вестник. СПб, 1890. Т. 6. Кн. 2. № 10. С. 192—230; Залесский В.Ф. Учение о ценности. Вып. 1, 2. Казань, 1893.

¹¹ Дмитриев Вл. Теория ценности (Обзор литературы на русском языке)//Критическое обозрение. 1908. Вып. II. С. 18. См. также наст. изд., с. 477.

начавшаяся сразу после издания его III тома (1895 г.) и продолжавшаяся в России в течение всего первого десятилетия XX в. Неубедительность для многих решения проблемы рыночных цен в III томе «Капитала», критика Бем-Баверком «большого противоречия» между I и III томами «Капитала», между теорией ценности и концепцией цен производства; безрезультатная полемика вокруг закона средней прибыли в журнале «Научное обозрение»; согласие с критикой Бем-Баверка «ревизиониста» Э. Бернштейна и самого известного российского «легального марксиста» П. Струве, еще недавно с азартом от имени Маркса критиковавшего народничество, а теперь писавшего о неразрешимой «основной антиномии трудовой теории ценности», об этом свидетельствовали.

Другой виднейший «легальный марксист» — М.И. Туган-Барановский, начавший свою научно-литературную деятельность с первого на русском языке изложения «учения о предельной полезности благ как причины их ценности» (1890), — свою статью «Менгер» в словаре Брокгауза и Ефрона заканчивал словами об австрийской школе: «Какого бы мнения ни держаться о научных достоинствах этого направления, нельзя отрицать его оригинальности; помимо школы Маркса, оно является едва ли не единственной в новейшее время серьезной попыткой внести существенные изменения и дополнения в теорию экономической жизни, созданную классиками»¹².

Это было написано в 1896 г. В следующем, 1897 г., в авторитетном журнале «Научное обозрение» (№ 12) статья Л. Винярского «Математическая школа в политической экономии» впервые давала российскому читателю целостное представление о «безостановочном развитии» — после того как появились труды Джевонса и Вальраса — направления, основанного Курно и Госсеном; были перечислены главные представители (Эджуорт, Маршалл, Уикстид, Ауспиц и Либен) и аналитическая последовательность от теории предельной полезности через теорию обмена, производства и капитализации к общей теории экономического равновесия — «самому обширному обобщению, которое до сих пор делала политэкономия».

В 1898 г. будущий известный философ-«веховец» С.Л. Франк очерком «Психологическое направление в теории ценности» начал работу, завершённую в 1900 г. монографией «Теория ценности Маркса и ее значение», высоко оцененной Дмитриевым. В этом же году в типографии Московского университета был напечатан первый научный труд самого Владимира Карповича «Экономические очерки. Выпуск первый.

¹² Туган-Барановский М.И. Экономическая наука//Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Полутом 37.

Теория ценности Д. Рикардо (Опыт точного анализа)». Этой работой он заявил о себе как первом российском экономисте-математике.

Работы П.Б. Струве и С.Л. Франка¹³ предложили российским экономистам интересное направление дальнейшей разработки теории ценности — синтез теорий издержек производства и предельной полезности. Владимир Карпович счел такой подход очень плодотворным, поставив перед собой задачу создать общую теорию ценности, в которой должны найти себе место обе теории, как вполне законченные, взаимно дополняющие друг друга части, являющиеся результатом изучения одного и того же явления ценности с различных точек зрения. В 1902 г. он публикует продолжение своего научного труда «Экономические очерки»: «Очерк II. Теория конкуренции Ог. Курно» и «Очерк III. Теория предельной полезности».

В 1904 г. все три ранее опубликованных экономических очерка были изданы отдельной книгой — «Экономические очерки. (Серия I-я: Опыт органического синтеза теории ценности и теории предельной полезности)». Дмитриев предполагал подготовить еще одну серию из трех очерков: по теории ренты, промышленных кризисов и денежного обращения. Планировалось, видимо, создать весьма обстоятельно проработанные теоретические основы экономической науки начала XX столетия. По всей видимости, эти труды написаны не были. Во всяком случае сведений о существовании рукописей или публикаций найти не удалось.

Если первые издания трудов Дмитриева не привлекли внимания ученых, то публикация первой серии «Экономических очерков» вызвала большой интерес, причем у тех специалистов, которые, что называется, «знали толк» и в теории, и в математике. В 1904—1905 гг. появились рецензии профессора А.А. Чупрова (известного специалиста в области статистики) и будущего известного российского экономиста Н.Н. Шапошникова¹⁴, который и в дальнейшем проявлял большой интерес к исследованиям Владимира Карповича и очень высоко их ценил. «Этот труд — по единодушному отзыву профессора Санкт-Петербургского Политехнического института А.А. Чупрова, приват-доцента Московского университета Н.Н. Шапошникова и профессора Берлинского университета В.О. Борткевича¹⁵ — свидетельствует о крупном теоретическом

¹³ Струве П.Б. Основная антиномия трудовой теории ценности//Жизнь. 1900. Кн.2. С. 297—306; Франк С.Л. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. СПб., 1900.

¹⁴ Чупров А.А. В.К. Дмитриев. Экономические очерки//Известия Санкт-Петербургского Политехнического института. Т.1. Вып. 3—4. С. 284—287; Шапошников Н.Н. Свободная конкуренция и цена товаров//Русское экономическое обозрение. 1905. № 2. С. 76—90.

¹⁵ Bortkiewicz L. von. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxschen System//Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1907.

даровании автора. Собственные критически-конструктивные рассуждения В.О. Борткевича по теории ценности в его известной работе о Марксе в значительной мере опираются на построения Дмитриева», — писал П. Струве¹⁶.

Именно Н.Н. Шапошников выступал на памятном собрании Общества им. А.А. Чупрова, посвященном памяти В.К. Дмитриева осенью 1914 г. Он уверенно предполагал, что «в небогатой сокровищнице «чистой экономики» прибавилась одна новая теорема, теорема Владимира Карповича Дмитриева»¹⁷. В том же Обществе несколько раньше выступил с первым в России публичным экономико-математическим докладом молодой ученый А.В. Чаянов — известный впоследствии экономист-аграрник. Его работу консультировал Дмитриев. Тяжелобольной ученый не мог оставаться в стороне от научной жизни.

Современники Владимира Карповича акцентировали внимание на трех аспектах его «органической теории ценности», представлявших, по их мнению, новый взгляд на эту проблему. Во-первых, на доказательстве того, что издержки производства всегда зависят не только от условий производства, но и условий спроса. Во-вторых, на выводе о затратности свободной конкуренции с точки зрения общественной (т.е. макроэкономики) и отсутствии искомой многими западными учеными «гармонии» свободного рынка, создаваемой «невидимой рукой» А. Смита. В-третьих, для экономистов российской школы очень значимым был тщательно обоснованный Дмитриевым вывод об отсутствии противоречия в теории Д. Рикардо, и особенно вывод о том, что теории издержек производства и предельной полезности не исключают, а дополняют друг друга.

П.Б. Струве называл Дмитриева «логически и математически продуманным и проверенным Рикардо»¹⁸. Н.Н. Шапошников рассматривал Владимира Карповича как одного из ведущих в мире последователей и продолжателей теории Л. Вальраса¹⁹. В уже упоминавшемся докладе, посвященном памяти Дмитриева, он отмечал: «Дмитриев является первым у нас в России представителем математической школы в политической экономии, и русская экономическая наука может гордиться таким ее представителем... Для того, кто признает пользу и необходимость

¹⁶ Струве П.Б. В.К. Дмитриев//Русская мысль. 1913. № 10. С. 165.

¹⁷ Шапошников Н.Н. Первый русский экономист-математик Владимир Карпович Дмитриев. С. 14. См. также наст. изд., с. 504.

¹⁸ Струве П.Б. В.К. Дмитриев. С. 165.

¹⁹ Шапошников Н.Н. Вальрас//Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 9 (1912).

абстрактного анализа экономических проблем, исследование Дмитриева всегда будет иметь большое значение»²⁰.

Тем не менее, одно из важнейших достижений В.К. Дмитриева современниками оценено не было. Пожалуй, и сам автор не мог в самом начале века догадаться, какое практическое применение может найти предложенная им при математизации теории Рикардо система линейных уравнений. Для него это был всего лишь инструмент, необходимый «побочный продукт» исследования ценности. Лишь в 20-е годы экономисты стали понимать, что эта система представляет собой прообраз межотраслевого баланса. Основы такого баланса были разработаны много позже американским экономистом российского происхождения В.В. Леонтьевым. Получившая название «затраты-выпуск», его модель принесла автору Нобелевскую премию в 1973 г.

До Октябрьской революции и короткое время после нее В.К. Дмитриев часто упоминался в отечественной экономической литературе. Но затем труды ученого были надолго преданы забвению. Приверженность абстрактной теории ценности, математическому и субъективно-психологическому методу, критика ряда принципиальных позиций К. Маркса — все это в СССР было неприемлемо. Работы В.К. Дмитриева оказались за пределами официальной экономической науки. Ученый был объявлен буржуазным экономистом, последователем математической школы буржуазной экономической мысли.

Был небольшой период времени, в конце 50-х — начале 60-х годов, когда к работам и имени В.К. Дмитриева проявили интерес советские экономисты-математики. Это связано с попыткой утвердить в нашей экономической теории и практике планирования народного хозяйства математические методы. В частности, не раз упоминал В.К. Дмитриева академик В.С. Немчинов, руководивший воссозданием экономико-математических исследований.

В начале 60-х годов появился ряд работ со ссылками на Дмитриева, правда, их авторы продолжали приписывать концепции ученого и «эклетицизм», и «буржуазность», и «научную несостоятельность». Какого-либо специального серьезного исследования трудов ученого так и не было сделано. Экономисты ограничились ссылками на его книгу и установлением соотношения между коэффициентами полных затрат, исчисляемых по его методу и методу В. Леонтьева.

Упоминание В.С. Немчиновым имени В.К. Дмитриева рядом с В. Леонтьевым вызвало живой интерес на Западе. Начиная с первой

²⁰ Шапошников Н.Н. Первый русский экономист-математик Владимир Карлович Дмитриев. С. 6, 11. См. также наст. изд., с. 499, 504.

статьи под названием «Воскресший российский экономист 1900 г.», опубликованной в 1961 г. английскими «советологами» А. Ноувом и А. Цауберманом, появились исследования творчества русского ученого. Наиболее основательное из них содержится во вступительной статье к английскому изданию «Экономических очерков». Усилиями А. Ноува, А. Цаубермана, Д.М. Нути и других авторов имя и творчество В.К. Дмитриева стали известны западному читателю²¹.

Ровно через семьдесят лет после издания «Экономических очерков» увидел свет английский перевод этой книги. В весьма детальном научном предисловии дан обстоятельный анализ как основных теоретических позиций Дмитриева, так и их значения для развития современной экономической науки, осмысления процессов, происходящих в экономике к концу XX столетия. Читатель может познакомиться с переводом в настоящем издании. О последующих обращениях к идеям В.К. Дмитриева зарубежных ученых можно составить некоторое представление по двум статьям — У.К. Фана «О норме прибыли в моделях Рикардо — Дмитриева — Сраффы» (1983) и М. Скоуртоса «Рыночные процессы в рикардианской структуре: вариант В.К. Дмитриева» (1986) — которые также включены в настоящее издание с разрешения издательств.

Как подчеркивал Нути, Дмитриев предвосхитил и очень точно сформулировал целый ряд положений и технических приемов, составляющих существенную часть современной экономической науки. Далее, отмечает Нути, Дмитриев «создал чрезвычайно оригинальный вариант теории конкуренции — очень своевременный вклад в область, в которой исследования зашли в тупик». И сама попытка «органического синтеза» теории ценности и предельной полезности, осуществленная Дмитриевым, служит очень важным напоминанием о значимости целого ряда аспектов теорий цен и распределения, игнорируемых современной наукой.

Как видим, «Экономические очерки» В.К. Дмитриева являют собой замечательный пример того, как, обратившись к трудам великих предшественников, к вопросам, ими поднятым, но не раскрытым, к решениям, по мнению многих, спорным и даже противоречивым, можно внести

²¹ Nove A., Zauberman A. A Resurrected Russian Economist of 1900//Soviet Studies. 1961. Vol. XIII. N. 1; Treml U.G. Input-Output Analysis and Soviet Planning//Mathematics and Computers in Soviet Economic Planning. L.: New Haven, 1967;

Lassen R. Dmitriev's Smithian model//Scottish Journal of Political Economy. 1977. N. 24(3); Zauberman A. New Remarks on Discovery in Soviet Economics//Bulletin of the Oxford Institute of Economics and Statistics. 1962. 24 Nov. P. 437—445;

Nove A., Zauberman A. Op. cit. P. 101, footnote;

Nuti D.M. Op. cit. См. также наст. изд., с. 507—534.

ценный вклад в науку. Более того, найти подходы и решения, намного опережающие свое время. Даже само, несколько измененное, название труда В.К. Дмитриева в английском переводе говорит об этом. Это уже не очерки теорий Рикардо, Курно и предельной полезности, а «Экономические очерки по проблемам ценности, конкуренции и полезности».

Это изменение названия свидетельствует также о том, что теоретическое наследие В.К. Дмитриева в данном конкретном случае интерпретируется несколько односторонне, без учета того, что сам автор считал своей основной целью, вынесенной даже в подзаголовок к «Экономическим очеркам» — «Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности». Можно сказать, что такова судьба всякого неординарного труда, допускающего неоднозначное прочтение и интерпретацию потомками, решающими свои теоретические или практические проблемы.

Такое потребительское, а потому неизбежно поверхностное, упрощающее, скажем резче, вульгаризирующее, обращение с идеями предшественников совершенно неизбежно и даже закономерно. Тем большего внимания заслуживают работы, авторы которых пытаются неутилитарно подойти к осмыслению теоретического наследия, доставшегося нам от предшествовавших поколений. Примером такой работы, на наш взгляд, является приводимое в этом издании эссе молодого исследователя П.Н. Клюкина.

Дмитриев много раз подчеркивал, что, с его точки зрения, в экономическое исследование не должны вторгаться социальные и политические мотивы. И все же, оставаясь сторонником «чистой экономической теории», он вместе с тем не мог не размышлять и над конкретными экономическими процессами, происходившими в пореформенной России, а также над тем, какие интерпретации дают этим процессам российские ученые, статистики, общественные деятели.

Особое внимание российской общественности с последней трети XIX в. стала привлекать «питейная проблема». Появились многочисленные научные труды, статистические аналитические материалы, предпринимались правительственные меры, направленные на преодоление страшного народного недуга — алкоголизма. В.К. Дмитриев занялся этой проблемой со свойственной ему тщательностью, скрупулезностью и нешаблонностью мышления. Опираясь на многократно выверенные факты и статистику, он один за другим убедительно опроверг устоявшиеся представления, опубликовав сначала обзорную статью «Алкоголизм как массовое явление в России (обзор литературно-статистических материалов)»²², а затем в 1911 г. книгу «Критические исследования о потреб-

²² Критическое обозрение. 1908. Вып. VIII. С. 12–20.

лении алкоголя в России». Предисловие к этой книге, написанное П.Б. Струве, и введение автора мы также сочли необходимым поместить в настоящем издании для более полного представления о масштабе личности и широте творческого диапазона В.К. Дмитриева.

Книга Дмитриева об алкоголе многопланова, как и «Экономические очерки», которыми он вошел в мировую науку. В ней выясняется влияние на потребление алкоголя промышленных кризисов, неурожаев, аграрных кризисов; исследуются своеобразие развития рынка в различных губерниях, методы монополизации, к которым прибегают «водочные короли», и многие другие аспекты экономического развития России конца XIX — начала XX в. Перед читателем предстает широкое полотно народной жизни России в период развития капитализма и начала индустриализации.

Проанализировав данные русской «алкогольной статистики», многочисленных бюджетных обследований, Дмитриев приходит к выводу о необходимости отказаться от общепринятого взгляда на способ (механизм) воздействия экономических факторов на потребление. «Необходимы поправки в общее решение вопроса о функциональной зависимости между ценою и спросом ввиду психологических особенностей той потребности в наркотизации, которую удовлетворяет алкоголь и ему подобные продукты», — отмечает Дмитриев²³.

Издатель «Критических исследований» П.Б. Струве в предисловии к книге высказывал мысль, что они «получат значение руководящего труда по этому вопросу. Автор превосходно распоряжается своим материалом и обнаруживает в своем анализе именно то редкое дарование теоретика, которое получило такое решительное признание со стороны... компетентных ученых»²⁴. Увы, с сожалением приходится констатировать, что надежда Струве совсем не оправдалась. В отличие от «Экономических очерков», которые, пусть и десятилетия спустя, но все же привлекли внимание исследователей и заняли определенную нишу в истории науки, книга об алкоголизме была забыта. И это несмотря на то, что сама проблема всегда стояла и сейчас стоит в России очень остро и что принимаемые меры ее преодоления оказываются (как показано в работе Дмитриева) неэффективными.

Как мы уже отмечали, В.К. Дмитриев дал своему главному труду «Экономические очерки» подзаголовок «Опыт органического синтеза теории

²³ Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911. С. 129.

²⁴ Струве П.Б. Предисловие//Дмитриев В.К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911. С. V. См. также наст. изд., с. 485.

трудо­вой цен­но­сти и те­о­рии пре­дель­ной по­лез­но­сти», тем са­мым как бы при­гла­шая чи­та­те­лей к дис­кус­сии по слож­ней­ше­му во­про­су, как мож­но пред­по­ло­жить, пол­но­стью ав­то­ром и не ре­шен­но­му. Вто­рая кни­га Дмит­ри­ева с не мень­шим ос­но­ва­ни­ем мо­гла бы по­лу­чить ана­ло­гич­ный под­за­го­ло­вок, ибо здесь то­же ори­ги­наль­ная ме­то­до­ло­гия, то­же опыт на­уч­но­го ис­сле­до­ва­ния про­бле­мы ал­ко­го­ли­зма, то­же при­гла­ше­ние к дис­кус­сии по во­про­сам, на ко­то­рые, ви­ди­мо, и не­воз­мож­но на­йти од­но­знач­ные от­ве­ты.

Ал­ко­голь — не­обыч­ный то­вар, ут­вер­жда­ет Дмит­ри­ев, и за­ко­ны его по­треб­ле­ния кар­ди­наль­но от­лич­ны от об­ще­при­ня­тых за­ко­нов по­треб­ле­ния, ибо в них вто­ра­га­ют­ся пси­хо­ло­гиче­ские мо­тивы, де­ла­ю­щие по­ступ­ки лю­дей не под­власт­ны­ми ло­гике э­ко­но­ми­че­ской це­ле­со­об­раз­но­сти²⁵. За внеш­ни­ми и, ка­залось бы, оче­вид­ны­ми фак­та­ми Дмит­ри­ев уви­дел в «пи­тей­ной про­бле­ме» яв­ле­ние на­род­ной жи­зни Рос­сии кон­ца XIX — на­ча­ла XX в., став­шее ре­зуль­та­том мно­го­об­раз­ных про­цес­сов, со­про­во­ж­да­вших раз­ви­тие в стра­не ка­пи­та­ли­зма, ин­ду­стри­а­ли­за­цию э­ко­но­ми­ки, и ко­то­рое мож­но бы­ло бы оха­рак­те­ри­зо­вать как «рас­кре­стья­ни­ва­ние» па­три­ар­халь­ной Рос­сии.

В.К. Дмит­ри­ев пер­вым тща­тель­но про­ана­ли­зи­ро­вал вли­я­ние мно­гих так на­зы­вае­мых не­це­но­вых фак­то­ров, ре­аль­ных э­ко­но­ми­че­ских и со­ци­аль­ных про­цес­сов, ока­зав­ших во вто­рой по­ло­ви­не XIX и на­ча­ле XX в. пря­мое или ко­свен­ное, но оди­на­ко­во важ­ное вли­я­ние на ди­на­ми­ку по­треб­ле­ния спи­рт­но­го в Рос­сии. Среди них от­ме­тим, во-пер­вых, диф­фе­рен­ци­а­цию де­рев­ни, по­яв­ле­ние на ее по­лю­сах груп­п, пор­вав­ших с тра­ди­ци­он­ны­ми па­три­ар­халь­ны­ми при­выч­ка­ми и пе­ре­ше­д­ших от спо­ра­диче­ско­го по­треб­ле­ния ал­ко­го­ля к ре­гу­ляр­но­му²⁶; во-вто­рых, рост го­род­ско­го, а точ­нее, ин­ду­стри­аль­но­го на­се­ле­ния: к по­бу­ди­тель­ным мо­тивам ро­ста по­треб­ле­ния ал­ко­го­ля Дмит­ри­ев от­но­сит ха­рак­тер и ус­ло­вия наем­но­го тру­да в ка­пи­та­ли­сти­че­ской Рос­сии, при ко­то­рых же­сто­чай­шая экс­плу­а­та­ция ра­бочих сде­ла­ла ал­ко­голь важ­ней­шим спо­со­бом под­дер­жа­ния их спо­соб­но­сти к тру­ду; на­ко­нец, в-тре­тьих, воз­ник­но­ве­ние но­вой об­ши­рной груп­пы по­треб­и­те­лей — жен­щин²⁷.

Про­ана­ли­зи­ро­вал В.К. Дмит­ри­ев и та­кой фак­тор, как ожи­да­ния. В дан­ном слу­чае — ожи­да­ния пра­ви­тель­ствен­ных мер по ог­ра­ни­че­нию по­треб­ле­ния ал­ко­го­ля. Ва­жен его, ка­залось бы, па­ра­док­саль­ный вы­вод — ре­аль­ное вли­я­ние за­ко­на 1885 г., став­я­ще­го це­лью су­ще­ствен­но ог­ра­ни­чить по­треб­ле­ние спи­рт­но­го, на де­ле бы­ло нич­то­ж­ным. Но са­мо ожи­да­

²⁵ См. наст. изд., с. 486—487.

²⁶ См. наст. изд., с. 488—489.

²⁷ Там же.

ние новых правил (еще до их обнародования и вступления в силу) имело значительные последствия²⁸.

Главный вывод Дмитриева — рост алкоголизма, числа «регулярных потребителей спиртного» — результат ломки вековых привычек, традиций, образа жизни русского крестьянина, лишившегося связи с землей, вовлекаемого процессом индустриализации в непривычную городскую среду, оглушенного грохотом фабричных машин, изнуренного многочасовым трудом на российских фабриках, не ведающих о технике безопасности. «Господин капитал», проникая в деревню, содействуя дифференциации самого крестьянства, и здесь ломает старые привычки, превращая в постоянных потребителей спиртного и многих, остающихся в деревне и не утративших еще полностью связи с землей. Особенно пророческим в свете вскоре последовавших событий является объединение Дмитриевым в группу «маргиналов» фактически порвавших с традиционным трудовым крестьянством сельских буржуев и пролетариев. Переворачивание социальной пирамиды привело к рычагам низовой власти не представителей народа, а вторую половину «маргиналов».

Исследования В.К. Дмитриева сыграли огромную роль в формировании российской экономической школы, определили во многом направленность научных работ ряда экономистов более позднего времени.

В наибольшей степени идеи Владимира Карповича послужили экономико-математическому направлению как российской, так и западной науки. Именно «Экономические очерки» стали фундаментом, на котором в 20-е годы выросла первая в мировой науке теория экономического роста Г.А. Фельдмана; удостоенные в 60-е годы государственных премий работы В.С. Немчинова и В.В. Новожилова; труды нобелевских лауреатов Л.В. Канторовича и В.В. Леонтьева.

Думается, что и нынешнее поколение ученых найдет в работах Дмитриева немало идей, важных для познания процессов, происходящих в современной России.

²⁸ См. наст. изд., с. 488—489.